

ВОСПОМИНАНИЯ

У поэта Евгения Евтушенко есть такие слова:

*«Что знаем мы про близких,
про друзей?»*

*Что знаем о единственной
своей?»*

*И про отца родного своего
Мы, зная все,*

не знаем ничего».

Нечто подобное пришлось ощутить недавно мне. С Феликсом Козловским я знаком давно. Более 40 лет проработали на родном «Гомсельмаше». Периодически встречались, беседовали. Главным образом, на темы литературы и искусства. Я знал, что он хороший художник, он – что я, помимо основной работы (начальник БТК цеха), увлекаюсь поэзией, пишу иногда стихи, являюсь рабкором заводской газеты «Сельмашевец».

После войны Феликс окончил ремесленное училище, работал на Гомельском вагоноремонтном заводе. В 1956 году пришел на «Гомсельмаш», был шлифовщиком, сантехником, штукатуром, маляром. Но главная его специальность – художник-оформитель. Последних 20 лет перед уходом на пенсию трудился в кузнечном цехе.

Феликс Алексеевич родился в Гомеле, но вместе с семьей постоянно переезжал по месту службы отца, который в то время работал в НКВД. В 1941 году семья проживала в городе Свислочь (Западная Белоруссия). Война... Мальчику 8 лет. В Свислочь пришли немцы. Отец, естественно, отступал вместе со всеми войсками и погиб под Москвой, о чем Феликс узнал только через много-много лет.

В ноябре 1942 года мать Александру Иосифовну и Феликса арестовали немцы. Вот что о тех годах рассказывает Феликс Алексеевич:

«Благодаря семье поляка

Криштофика, нас не выдали, не сказали, что мы – семья коммуниста, тем более работника НКВД. Иначе бы сразу расстреляли. Сидели неделю в здании гестапо: женщины, мужчины, дети – все в одном подвальном помещении. Один туалет-корыто на всех. Потом нас погрузили в машины, кругом эсэсовцы с собаками... Повезли в сто-

при матерях.

Взрослых постоянно вызывали на допрос. Моя мать чуть-чуть знала немецкий. Это ее во многом спасало. Кормили баландой из брюквы. В лагере нас держали месяца три. Через проволоку я видел, как колонну военнопленных, которая направлялась обычно к передвижной кухне, полицейские разных национальностей

крова. Погрузили в товарные вагоны, повезли в Кенигсберг (Восточная Пруссия), затем в город Марунген. Там была торговая биржа: людей продавали, как скот. Мать мою купила богатая бауэрша за 12 марок, меня – за шесть. Хозяйка – некая Янка Карче – повезла нас в свое имение Ладейнэ. Она держала много коров, свиней, лошадей. Были в поместье также свои трактор, комбайн, молотилка и другая техника. Мы были заняты на полевых работах по 12-15 часов в сутки. Кормили баландой. Мяса не было, хлеб – с опилками.

В этом поместье мы находились до февраля 1945 года. После освобождения Советской Армией (а за ночь до этого немцы куда-то сбежали) мы еще неделю жили в Ладейнэ. Потом толпами самостоятельно добирались до города Дойчелава, где был распределительный пункт. Там каждый бывший узник проходил дополнительную проверку. Наконец, после долгих мытарств, мы попали в Гомель.

О послевоенной жизни в городе знает каждый горожанин того времени. Она была тяжелой. Но это уже совсем другая история».

Так закончил свой рассказ Феликс Козловский. Остается только добавить, что он и сейчас живет в сельмашевском микрорайоне. Жена, Татьяна Евменовна, давно умерла, дети разлетелись по разным городам бывшего Союза. Но они отца навещают, перезваниваются. А Феликс Алексеевич, несмотря на преклонный возраст, по-прежнему жизнерадостен, бодр и активен в своих творческих делах.

Михаил БУТКЕВИЧ,
почетный гомсельмашевец.
Фото из семейного архива
Ф. Козловского.

• О тех, кто рядом

УЗНИК

Ф. Козловский сейчас

Сразу после войны.

рону Волковыска. На одном из перекрестков колонна разделилась: одна часть повернула налево (там всех потом расстреляли), наша направилась к спецлагерю.

В лагере содержались военнопленные и гражданские лица. Одних от других отделял забор из колючей проволоки. Наш барак был врыт в землю, только крыша снаружи. В бараке двухъярусные стеллажи. Не было даже тряпья для постели: каждый в своей одежде, холод, как в погребе. Мужской барак располагался рядом с женским. Дети – девочки и мальчики –

били молотками с длинными ручками. Кто падал – добивали насмерть. Ходили они к кухне кто с котелком, кто с консервной банкой. Над строем издевались: заставляли петь. На умерших накидывали шинели и на носилках подносили к специальному рву, сбрасывали туда, обливали известью.

В одну из ночей нас, гражданских, повели по Волковыску. Подвели к зданию санпропускника. Женщин постригли наголо, всех облили холодным душем, у старших обмазали каким-то вонючим раствором волосняные по-